

ЛОЕС МОРРЕН

ВАКЦИНЫ НЕ БУДЕТ

НОВЫЙ МИР

Вакцины не будет

Лоес Моррен

**Вакцины не будет:
Новый мир. Книга 2**

«Автор»

2026

Моррен Л.

Вакцины не будет: Новый мир. Книга 2 / Л. Моррен — «Автор», 2026 — (Вакцины не будет)

Марк был уверен, что одиночество — это навык. Ошибся. Это приговор. Мир умер. Люди исчезли. И да — он сыграл в этом не последнюю роль. Но каяться некому и незачем. Города сгнили изнутри, улицы заняли реверсанты, в тених шевелятся умбры, а тишина давит сильнее любого крика. И всё это — фон. Мусор. Шум после катастрофы. Плевать на человечество. Плевать на мораль и долг. Когда мир рухнул, осталась только одна вещь, которая не спрашивает разрешения. Мария. Где-то под слоями бетона, льда и чужих ошибок. Не спасение. Не свет в конце тоннеля. Навязчивая мысль, которая не даёт нажать на курок и закончить всё одним движением. Марк идёт по мёртвому миру, оставляя за собой следы, которые некому заметить. Он ищет не будущее — он ищет оправдание, чтобы не сдохнуть в одиночку. Каждый шаг приближает его либо к ней, либо к окончательному распаду. Когда конец света уже случился, любовь перестаёт быть чувством. Она становится болезнью. И Марк не собирается от неё лечиться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вакцины не будет: Новый мир. Книга 2

Глава 1

Марк закрыл блокнот и положил карандаш на край стола. Графит стёрся почти до дерева и теперь царапал бумагу с омерзительным звуком. Он вёл записи месяц - тридцать два дня, если считать и сегодня, и каждая строчка была похожа на предыдущую. Консервы - пять коробок. Топливо - три канистры, одна почти пустая. Патроны - десять магазинов для винтовки, восемь для пистолета. Цифры не ввали, как постоянная переменная. Они были единственным, чему ещё можно было верить.

Внизу страницы всегда оставалось пустое место. Марк смотрел на него, будто ожидая, что буквы появятся сами, но они не появлялись. Он захлопнул блокнот и отодвинул его к краю стола, туда, где лежали старые газеты и карта области с красными крестиками.

Бинокль висел на спинке стула и манил к себе каждый раз. Марк не стал сопротивляться, взял его и подошёл к окну. Стекло было холодным, почти ледяным, и он чувствовал, как мороз просачивается сквозь раму. Город внизу выглядел мёртвым и опасным. Серые крыши под снегом, улицы, похожие на шрамы, дома с выбитыми окнами. Всё это Марк видел каждый день, и каждый день город казался чуть более чужим, чуть более далёким, словно уплывал от него, как корабль от берега.

Он с надеждой навёл бинокль на госпиталь, как будто там могло что-то измениться за ночь и взглянул на силуэт. Вертолёт по-прежнему стоял на крыше - огромный, неподвижный, укрытый брезентом, который трепетал на ветру.

Марк видел его каждое утро и каждый вечер. Вертолёт выглядел почти целым. *Почти* - это слово засело в голове, как заноза и означало надежду. Так же оно означало, что, возможно, где-то там, в городе, в одном из этих мёртвых зданий, лежала нужная деталь для починки лопасти. Но *почти* также означало, что месяц поисков ничего не дал.

Марк опустил бинокль, выдохнул и разум начал рисовать картинки в голове. Он вспомнил пустые ангары с распахнутыми воротами, где ветер гонял ржавые банки по бетонному полу. Разграбленные гаражи со следами крови на стенах и запахом гнили. Тёмные и холодные автосервисы, где каждый шаг отдавался эхом, и каждый звук заставлял его оборачиваться с винтовкой наготове. Забитые хламом склады, который никому больше не был нужен. Итог был всегда один и тот же - пусто или бесполезно.

Пальцы всё ещё болели и кожу покалывало. Марк посмотрел на них - красные, потрескавшиеся, с белыми пятнами обморожения на костяшках. Он перебирал обломки, металл, куски пластика, и каждый раз холод вгрызался глубже. Он носил перчатки, но они были тонкими, и мороз всё равно находил путь.

Вечером Марк разжигал камин. Дрова трещали, огонь бросал тени на стены комнаты, и в эти моменты отель почти казался живым. Затем, он садился к столу, ставил перед собой старый, армейский радиоприёмник с потрескавшимся корпусом и включал его. Сначала шёл только белый шум, треск, похожий на шорох песка по стеклу.

Марк медленно поворачивал ручку настройки, перебирал частоты. Иногда шум менялся - становился громче, тише, словно где-то вдали кто-то пытался что-то сказать. Он замирал, прислушивался, сжимал ручку крепче, но голосов никогда не было.

Всё это время, он держал имя внутри и образ с фотокарточки. Мария. Он не произносил его вслух, словно боялся, что звук развеет последнее, что у него осталось. Её лицо в памяти становилось всё более размытым, но голос он помнил.

В такие моменты, Марк брал фото в рамке и долго смотрел на рыжие волосы девушки, словно старался выжечь её образ в голове. Иногда, в тишине, ему казалось, что он слышит голос Марии - тихий, далёкий, зовущий, но это был всего лишь ветер.

Затем, пришёл февраль и принёс мороз. Настоящий мороз, тот, что превращал дыхание в иней на бороде и заставлял кожу гореть от одного прикосновения воздуха. Марк видел, как город менялся. Тени стали длиннее, хотя солнце всё так же тускло висело над горизонтом, а движения стало больше.

Реверсаны появились неделю назад и начали заполнять город. Сначала появился один - на улице у разрушенного магазина. Марк видел его в бинокль: фигура, согбенная, дёргающаяся, с головой, качающейся из стороны в сторону, а потом появились другие. Они бродили по улицам, заходили в дома и исчезали в подворотнях. Марк не знал, откуда они пришли. Возможно, из-за реки. Возможно, их всегда было больше, чем он думал, и холод просто выгнал их наружу.

Он сидел у окна, смотрел, как город пожирает сам себя и знал, что время уходит. Вертолёт не подлежал ремонту, пока не найдутся подходящие запчасти. Марк решил пока отложить его починку и заняться другим важным делом – поиском места где мог располагаться Правительственный бункер номер 2.

Мысль о библиотеке пришла не сразу и не была секундным озарением. Она вызревала несколько дней, как нарыв под кожей, и когда наконец прорвалась, Марк понял, что это очевидно. Туристические карты, которые он находил в заброшенных машинах и магазинах, были бесполезны - цветные, упрощённые, предназначенные для людей, которые никогда не заблудятся по-настоящему. Ему нужны были старые государственные карты. Те, что показывали военные объекты, аэродромы, склады. Места, о которых туристам знать не полагалось.

И библиотека была идеальным местом для хранения таких данных. Центральная городская на главной площади. Марк никогда не был там и обходил строение, как бесполезное в его поисках, связанных с вертолётom, но помнил массивное здание в викторианском стиле, с колоннами и широкими окнами.

Если что-то и сохранилось, то там. В архивах должны быть карты, а может быть, даже старые военные документы. Это был последний шанс найти привязку, точку на карте, которая вела бы к бункеру, и Марии.

Он шагнул прочь от окна, искал взглядом рюкзак, но передумал собираться и вернулся обратно. Солнечные лучи уже пробивались сквозь тучи и утренний свет от этого был тусклым, серым, как грязная вода. Рассвет означал, что город стал опаснее, чем ночью и нужно было осмотреться.

Марк снова взял бинокль и медленно провёл им по городу. Улицы были пусты, перекрёстки безжизненны и даже стадион, где обычно собирались вороны, выглядел мёртвым. Никакого движения и намёка на него, а это настораживало больше, чем движение. Тишина в городе, который всегда дышал воем ветра, скрипом металла, далёким лаем собаки, означала, что в нём произошли изменения. Реверсаны либо ушли, либо затаились, и Марк не знал, что хуже.

Он опустил бинокль, повесил на спинку стула и начал одеваться. Он подошёл к шкафу у кровати, распахнул дверцу и начал доставать одежду. Снимал с вешалок, брал с полки и бросал всё на кровать. Затем, сел на краешек и начал натягивать на себя всё, что достал.

Марк запомнил главное правило – одежда всегда слоями. Термобельё, потом шерстяной свитер, потом куртка. Шарф вокруг шеи, плотно, чтобы холод не добрался до горла. Перчатки - две пары, тонкие под толстыми. Шапка, натянутая до бровей. Ботинки с толстой подошвой, шнурки дважды завязаны.

Каждое движение было автоматическим, выученным за месяц и стало неким подобием инстинкта в новом мире. Одежда была доспехами против мороза и к ней нужно было отно-

ситься с особым вниманием. Марк знал, что один неверный шаг, не застёгнутая молния, неза-
тянутая завязка и ему конец.

Винтовка лежала на столе и своим видом вселяла уверенность. Марк взял её, прове-
рил магазин, передёрнул затвор. Оружие было продолжением его тела - привычным, удобным,
почти родным. Он носил его так долго, что перестал замечать вес. Магазины в кармане куртки
- два запасных, полных. Он проверил их автоматически, даже не глядя, пальцами, и сунул
обратно.

Пустой рюкзак валялся на полу. Марк смотрел на него несколько секунд, как на обеща-
ние. Пустой рюкзак означал надежду. Означал, что он вернётся с чем-то. Будь то карты или
документы. Хоть что-то, что изменит всё. Он накинул лямки на плечи, затянул ремни и напра-
вился в сторону выхода.

Марк прошёл через фойе, толкнул дверь и спустился по ступенькам. Снегоход стоял
прямо у входа, укрытый брезентом. Он стянул его и откинул в сторону. Машина была старой,
потрёпанной, но надёжной. Мотор работал –это было главным, а на красоту было плевать.

После той неприятности, когда он наехал на ловушку с миной, ему удалось найти только
один другой рабочий транспорт. Старый снегоход находился в гараже частного дома и судя по
убранству, принадлежал какому-то старику.

Он сел, посмотрел на приборную панель и повернул ключ. Мотор чихнул, закашлялся,
но не завёлся. Марк выругался про себя, подождал пару секунд и повернул снова. На этот
раз мотор схватился, заурчал, и гул разнёсся по горе, по пустому парковочному карману, по
деревьям, укрытым снегом. Звук был чужим - слишком громким, слишком живым в мире,
который давно замолчал.

Марк слушал его несколько секунд, наслаждаясь вибрацией мотора, потом заглушил дви-
гатель. Тишина вернулась, но не та, что была до этого. Она как будто изменилась, наполнилась
грязью от громкого звука, и она ещё не скоро осядет.

Он подождал ещё минуту, осматриваясь по сторонам и ожидая появления реверсантов,
привлечённых громким звуком. Но лес вокруг молчал - ни треска веток, ни крика птицы
или воя хищников. Даже волки сегодня куда-то пропали, хотя в последнюю неделю осмелели
настолько, что даже пытались пробраться внутрь отеля.

Марк снова завёл мотор, тронулся с места и выехал с территории отеля. Снегоход полз
вниз по серпантину, оставляя за собой глубокую колею. Марк вёл его медленно, осторожно,
держась подальше от края склона, где снег мог скрывать обвал или трещину в породе. Ветер
бил в лицо, и он щурился, глядя вперёд, туда, где город становился всё ближе, всё отчётливей.

Библиотека была в двух километрах от подножия горы. Марк знал маршрут - через шоссе,
мимо госпиталя, потом по центральной улице до площади. Он проходил этот путь в уме сотни
раз за последние дни. Каждый поворот, каждый перекрёсток, каждое место, где могла быть
засада. Реверсанты не были настолько умными, но они были терпеливыми.

Марк держал винтовку на коленях, дуло вперёд, палец у скобы. Снегоход ревел, и звук
казался оглушительным, словно колокол, бьющий в мёртвом городе. Марк знал, что его услы-
шат и возможно, уже ждут, но выбора не было.

Город приближался, Марк сжал руль крепче и сполз с склона на проезжую часть. Снег
на трассе лежал ровным слоем, нетронутым, почти девственным. Марк вёл снегоход по правой
полосе, обходя машины, брошенные под странными углами - одна с открытой дверью, другая
врезана в отбойник, третья просто стоит посреди дороги, как будто водитель вышел на минуту
и забыл вернуться. Он не смотрел внутрь, зная, что найдёт там и за месяц уже научился не
реагировать.

Рекламные щиты возвышались над дорогой, покрытые снегом и льдом. Новый год в Тур-
ции - от 3 тысяч долларов. Ипотека под 6%. Живи ярко. Лица на плакатах улыбались - бело-
зубые, счастливые, мёртвые. Марк проезжал мимо, и улыбки смотрели ему вслед, застывшие

в прошлом, которого больше не существовало. Мир, который обещали эти плакаты, исчез так быстро, что никто не успел снять рекламу - она осталась как насмешка.

Ветер усилился, когда Марк свернул на объездную. Здесь было больше машин - длинная вереница, растянувшаяся на сотни метров. Люди запаниковали и пытались уехать. Марк помнил радио в первые дни - голоса, требующие не паниковать, оставаться дома, ждать помощи. Она не пришла, а те, кто ждал, заражались и умирали прямо в своих квартирах. Те, кто бежал, умерли в дороге – исход один.

Марк аккуратно огибал машины и краем глаза, заметил свежие следы животных и тех, кто охотился на них. Они вели в сторону леса, потом исчезали, засыпанные снегом. Он не думал о том, как далеко они ушли и удалось ли реверсантам настигнуть жертву. Сейчас, это не имело значения и забивать этим голову было бессмысленно.

Марк прибавил ходу, обогнул ещё с десятков автомобилей и выехал к стадиону. Здание выглядело, как застывший гигант из бетона, с высокими трибунами и выцветшей краской на стенах. Люмен Филд - гласила надпись над входом. Марк выкрутил ручку газа и замедлился.

Он не планировал подъезжать близко, но стадион был на пути, и его нельзя было обойти. Дорога шла вдоль него, и единственной альтернативой был крюк через жилые кварталы, где каждый подъезд мог скрывать засаду.

Марк медленно приблизился и заглушил двигатель за сто метров до стадиона. Тишина мгновенно обрушилась на него, как снежная лавина и похоронила под собой. Он сидел на снегоходе, не двигаясь, и слушал. Сначала ничего. Только ветер, свист между трибунами и скрип металла где-то вдалеке.

Потом, появился другой звук, похожий на удары. Глухие, ритмичные, как биение огромного сердца. Удары по металлу, затем скрежет и снова удары. Звук повторялся, как пластинка на сломанном граммофоне и с каждым разом звучал ещё страшнее.

Марк слез со снегохода и двинулся пешком. Винтовка в руках, палец на спусковой скобе. Снег скрипел под ботинками, и каждый шаг казался слишком громким. Он шёл медленно, прижимаясь к стене ближайшего здания и всматриваясь в стадион, но в то же время, не забывал поглядывать по сторонам.

С каждым шагом, звуки становились громче и отчётливее. Он не видел, кто там, но слышал много ударов. Не один и не два, а десятки разом. Металлический скрежет, как будто что-то тянут по бетону. Глухие, животные звуки, которые не были похожи на крики или стоны, а что-то среднее, что заставляло кожу на затылке стягиваться.

Марк знал, что это реверсанты, но испугало его то, что их стало больше. Тех, кто принял решение вырваться наружу. Намного больше, чем неделю назад. Он понял это по звукам, по количеству ударов и по тому, как они перекрывали друг друга, сливались в единый, тошнотворный ритм.

Марк решил не рисковать, тихо развернулся и медленно пошёл обратно к снегоходу. Запрыгнул на сиденье, завёл мотор и отъехал на достаточное расстояние, так чтобы звуки стадиона растворились в ветре.

Тогда, он остановился снова и сидел на снегоходе, глядя на город перед собой, и думал о небоскрёбе. О тех людях в респираторах, которые стояли на крыше и смотрели на него. О том, как он сбежал из плена и обрёл их на смерть. Внутри всё ещё жила вина за содеянное и время от времени давала о себе знать. Вот и сейчас, он почувствовал, как в груди что-то сжалось.

Но потом Марк вспомнил о старике, которого забрали для опытов и вина потихоньку отступила. Оставь он их в живых, они бы нашли его и заперли надёжнее. Ему пришлось действовать по обстоятельствам и тогда это был единственный выход.

Теперь он понимал: город стал ничейным. Люди в небоскрёбе мертвы, а реверсантов становилось больше, потому что не осталось никого, кто мог бы сопротивляться. Город падал, как карточный домик, и Марк был одним из тех, кто вытащил первую карту.

Он не чувствовал раскаяния или чего-то похожего. Такое чувство было роскошью, которую он не мог себе позволить. Это был просто факт. Он сделал выбор и теперь город принадлежал мёртвым. Марк завёл мотор, поехал дальше и свернул в переулок в объезд стадиона.

Спустя время, библиотека появилась из-за поворота - массивная, в викторианском стиле, бетонная, с колоннами, которые когда-то должны были внушать уважение к знаниям. Теперь они просто возвышались над площадью, серые и равнодушные, как надгробия. Окна на первом этаже были выбиты, двери распахнуты настежь и снег наметало внутрь, белыми сугробами у входа.

Марк остановил снегоход в переулке, за углом соседнего здания, и заглушил мотор. Слишком близко к стадиону. Отсюда он вновь слышал удары, но теперь далёкие и приглушённые. Только одно в них не изменилось – это постоянный ритм, как пульс умирающего. Он вылез, накинул винтовку на плечо и двинулся к библиотеке пешком, прижимаясь к стенам домов.

Странно, но площадь была пустой и настораживала своим видом. Огромный фонтан стоял в центре, заброшенный и покрытый свисающими сосульками. Вокруг него были навалены мешки с мусором, стояли брошенные тележки из магазина, чьи-то вещи и чемоданы. А также ставшие уже привычной картиной - чёрные мешки с телами и жёлтая лента.

Марк сжал крепче винтовку и начал пробираться через площадь к библиотеке. Он был в двадцати метрах от входа, когда увидел их и затаился у брошенной машины. Двое реверсантов стояли у дверей библиотеки. Один - мужчина в рваной куртке, с головой, наклонённой под странным углом, как будто шея была сломана, но тело продолжало двигаться. Второй - женщина, без обуви, босые ноги синие от холода, но она, казалось, не чувствовала мороза. Они двигались неровно, дёргано, но в их движениях была какая-то осмысленность, которая пугала больше, чем животная ярость.

Мужчина протянул руку и коснулся двери. Его пальцы скользили по металлу, медленно, почти нежно, будто он пытался что-то вспомнить. Женщина стояла рядом, качаясь из стороны в сторону, и смотрела на дверь так, словно видела в ней что-то, чего Марк не мог увидеть.

Марк замер и начал судорожно размышлять. Винтовка была в руках, но он не поднимал её и не целился. Выстрел привлёк бы внимание и означал, что сюда придут другие со всего города, и тогда бежать придётся без карт, без надежды, просто бежать и молиться, что снегоход заведётся быстрее, чем они доберутся до него.

Он ждал и наблюдал. Реверсанты не смотрели в его сторону, а были сосредоточены на двери, на чём-то внутри здания. Марк решился, медленно сделал шаг, затем ещё один и понял, что совершил фатальную ошибку. Снег скрипнул под ботинком, он мгновенно замер и задержал дыхание.

Женщина услышала скрип и повернула голову. Марк резко вскинул оружие, направил дуло на неё и снял с предохранителя, но потом опустил винтовку. Глаза женщины были пустыми, но не слепыми, а именно пустыми, как окна заброшенного дома. Она смотрела в его сторону, но не на него, а сквозь него, и Марк понял, что она не видит.

Он представил себе летучую мышь с её эхо локаторами, но у той хотя бы были глаза, а у реверсанта они напрочь отсутствовали. Женщина искала движение, звук, что-то, что могло бы зацепить её внимание.

Марк стоял неподвижно, боясь пошевелиться и создать вибрацию. Секунды тянулись, как часы и напряжение росло. Наконец, женщина качнулась, потом отвернулась обратно к двери и снова коснулась рукой деревянной поверхности.

Марк выдохнул, отступил назад по протоптанным следам и двинулся дальше. Он решил обойти их по дуге, держась на расстоянии пяти метров и против ветра. В какой-то момент, мужчина повернулся, и Марк увидел его серое лицо, с чёрными венами под кожей. Рот был приоткрыт, как будто реверсант пытался что-то сказать, но забыл слова.

Они оба лишились глаз. Повезло? Марк так не думал и списал всё на простую случайность. Он прошёл мимо на расстоянии пяти метров, но они не двинулись. Просто стояли у дверей, двое из бесчисленного множества, и город медленно пожирал их, как пожирал всех.

Марк осмотрел строение, нашёл разбитое окно и проник в здание. Внутри библиотеки было так же холодно, как на улице, но тише. Пыль висела в воздухе, золотистая в тусклом свете, проникающем сквозь окна. Запах старой и сырой бумаги, медленно гниющей, бил в нос. Стекланный потолок над центральным залом был разбит, и сквозь дыру падал снег, ложась на столы, на стулья, на книги, разбросанные по полу.

Марк прошёл дальше, осторожно ступая по замёрзшим лужам. Полки были разграблены частично - кто-то искал здесь что-то, возможно, еду, возможно, просто тепло. Книги валялись повсюду, страницы разорваны, обложки растоптаны. Мир, который умер вместе с людьми.

Он знал, куда идти и поднялся на второй этаж в архивный отдел. Лестница скрипела под его весом, и Марк останавливался после каждого шага, прислушиваясь. Ничего. Только ветер, гуляющий по пустым залам.

Архив был в дальнем углу здания, за тяжёлой деревянной дверью с табличкой Службное помещение. Дверь была заперта, но замок был старым, проржавевшим, и Марк выбил его прикладом винтовки с двух ударов. Внутри пахло ещё сильнее - бумагой, пылью, плесенью. Стеллажи уходили в темноту, забитые папками, свёртками, коробками.

Марк достал фонарик и включил его. Луч света выхватил из темноты надписи на коробках. Топографические карты. 1970–1985. Ведомственная картография. Закрыто. Военные объекты. Гриф снят. 1991.

Он засунул фонарик в рот и начал искать. Карты были старыми, пожелтевшими, с надорванными краями. Марк раскладывал их на столе, один за другим, просматривая обозначения. Аэродромы. Склады. Военные базы. Места, о которых забыли или не хотели помнить. Рюкзак постепенно тяжелел, и каждая карта, которую он складывал туда, была напоминанием о мире, где всё это имело значение. О мире, где кто-то чертил линии, ставил метки, планировал будущее.

Теперь будущего не было. Были только карты, и человек, который пытался найти в них путь к бункеру, в котором его возможно ждёт живая и невредимая девушка с рыжими волосами.

Марк заполнил рюкзак до краёв, закрыл клапан и застегнул молнию. Он нашёл то, что искал и может быть, этого хватит, а может нет, но это был шанс. Он закинул находки за спину, вышел из архива и замер. Снизу, из главного зала донесся звук шагов и не пару штук, а целый топот.

Марк прижался к стене и медленно двинулся к краю лестницы. Внизу, у входа, были реверсанты и не двое, а десятки. Они шли медленно, неровно, натываясь на столы, на стулья, на друг друга. Кто-то из них споткнулся и упал, и остальные прошли по нему, не замечая. Они шли внутрь, наполняя библиотеку, как вода наполняет тонущий корабль.

Марк понял: они слышали его. Удары по замку или скрип лестницы. Что-то привлекло их, и теперь они здесь. Возвращаться тем же путём было опасно, а патронов не хватит, чтобы расчистить себе путь.

Он развернулся и побежал. В здании был запасной выход, и Марк знал о нём. Видел узкую дверь в дальнем конце коридора, за старыми стеллажами, когда входил, но не знал открыта ли она. Он бежал, не оглядываясь и слышал за спиной неровные шаги, сливающиеся в один сплошной гул.

Дверь оказалась заперта, и Марк ударил по ней плечом, один раз, второй. Замок треснул, дверь распахнулась, и он вывалился наружу, на узкую лестницу, ведущую вниз. Холод резко ударил в лицо, но это было сейчас не самое страшное.

Марк, не думая, перелез через перила и прыгнул с лестницы в сугроб, затем поднялся и побежал. Переулок пролетел мимо, потом ещё один и ещё. Он не оглядывался, не слушал, просто бежал, петляя между зданиями, пока не добрался до снегохода.

Мотор завёлся с первого раза. Марк развернулся и газанул, не глядя назад, не проверяя, следуют ли за ним. Город промелькнул мимо – серые стены, пустые окна, фонтан, всё та же удручающая картина. Марк выехал на объездную и только тогда оглянулся.

Библиотека стояла вдалеке, тихая, пустая снаружи, набитая изнутри. Он видел движущиеся тени в окнах, медленные и бесконечные. Реверсаны остались там. Может быть, они забудут про него. Может быть, уйдут. А может, будут стоять там днями, неделями, как стояли у дверей, пока не случится что-то, что заставит их двинуться дальше.

Марк развернулся, поехал и совсем забыл, что эту дорогу всегда избегает. Не успел он одуматься, как справа появился бизнес-центр. Здание не изменилось – такой же высокий, стеклянный, с выбитыми окнами на третьем этаже. Дыры в стекле были ровными и аккуратными.

Он помнил этот день. Надменное лицо доктора, каталку с телом старика и ту ярость в груди. Помнил, как стоял внизу, с винтовкой в руках, и стрелял в окна, одно за другим, пока не кончились патроны. Теперь бизнес-центр был пуст – это было ясно, не заходя внутрь.

Реверсаны добрались и туда. Если не они погубили оставшихся в живых, то дело завершил вирус и теперь некому зачищать город. Марк в какой-то мере признал, что совершил ошибку на эмоциях. Не расстреляй он окна, то возможно город был бы не так опасен, как сейчас.

Марк встряхнул головой, отгоняя грустные мысли и тронулся дальше. Преодолея шоссе, добрался до подножия и начал подъём в гору, который оказался долгим. Снегоход полз по серпантину, мотор ревел, и Марк смотрел, как город уменьшается внизу, становится дальше, тише, пока не превратился в подобие макета на столе архитектора. Он не думал о реверсантах и библиотеке. Все его мысли были только о картах в рюкзаке и о том, что они могут дать.

В какой-то момент, до отеля уже оставалось несколько десятков метров. Марк сбавил ход, аккуратно объехал ловушки и выбрался на подъездную дорожку. Он внимательно осмотрел снег вокруг и не обнаружив следов волков, направил снегоход под навес.

Он заглушил двигатель, прыгнул на землю и накрыл снегоход брезентом, а затем вошёл внутрь. Холод внутри был почти таким же, как снаружи, но без ветра. Он сбросил рюкзак, снял куртку, разжёг камин. Дрова были сухими, огонь разгорелся быстро, и тепло начало медленно заполнять комнату.

Марк сел к столу, достал карты и разложил их перед собой. Одну за другой. Топографические, с метками высот и рек. Ведомственные, с обозначениями баз и складов. Военные, с грифами, снятыми тридцать лет назад, когда всё это перестало быть секретом.

Он сравнивал их и искал совпадения. Места, которые повторялись на разных картах. Склады, обозначенные как стратегические. Базы, помеченные звёздочкой. Любой знак, любая метка, которая могла бы указать на бункер, но там ничего не было.

Марк водил пальцем по карте, потом по другой и настроение падало с каждой минутой. Проверял координаты, сверял обозначения. Складов было много, баз десятки, но ничего, что выглядело бы как бункер. Ничего, что имело бы автономные системы, запасы на годы, защиту от заражения. Ничего, что могло бы отдалённо напоминать местность на карте, которая висела на стене.

Может быть, бункер был засекречен даже для этих карт. Может быть, его не было на картах вообще. Или может быть, его просто не существовало, и Мария ошибалась, и все эти месяцы он искал то, чего никогда не было. Может её забрали не туда, а в другое место?

Марк встряхнул головой, отбрасывая поток мыслей и откинулся на спинку стула, а затем закрыл глаза. Если Мария жива, то значит, бункер существует. Он верил в это, просто потому, что иначе смысла не было. Месяц поисков запчастей, библиотека, реверсаны, город, умираю-

щий внизу - всё это имело смысл только если где-то, на краю карты, в месте, которое он ещё не нашёл, был бункер.

Он существовал. Просто он не для тех, кто ищет его быстро. Марк открыл глаза и посмотрел на карты. Может быть, он искал не там. Может быть, нужно было смотреть шире, дальше, за пределы области. Может быть, нужно было искать не по карте, а по логике - где бы *он* построил бункер, если бы знал, что мир умирает.

Огонь в камине потрескивал. Тепло медленно заполняло комнату, и Марк чувствовал, как усталость навалилась на него, тяжёлая, как мешки с песком. Он встал, подошёл к окну и посмотрел на госпиталь. Вертолёт на крыше был едва различим в темноте, но он знал, что тот там. Неподвижный, укрытый брезентом и ждущий.

Просто он не для тех, кто ищет его быстро, - повторил Марк про себя.

Он вернулся к столу, взял карандаш и открыл блокнот. Внизу страницы, в том месте, которое всегда оставалось пустым, он написал:

Завтра - последний шанс. Проверить резиденцию президента.

Потом закрыл блокнот, вернулся к камину и сел, глядя на фото в рамке. Город внизу молчал, ночь тянулась, но Марк знал: утром он пойдёт снова, потому что выбора не было. Он должен был найти Марию, даже если она думает, что его уже возможно нет в живых.

Глава 2

Марк проснулся до рассвета. За окном царила абсолютная тьма — лишь слабое свечение снега внизу позволяло различить границу между небом и землёй. В комнате стоял холод: огонь в камине давно погас, и воздух обжигал лёгкие, когда Марк вдохнул полной грудью.

Высунув нос из-под одеяла, он замер на несколько секунд. Просто лежал, вслушиваясь в тишину, ловя в ней то, чего там быть не должно. Ничего. Только ветер за стенами, тихий скрежет веток о крышу да собственное сердцебиение в ушах.

Марк сел. Движения были медленными, скупыми — не столько от холода, сколько от привычки. Каждое действие обдуманно, каждый жест необходим. Резкость была роскошью, а роскошь убивала. Он поднялся, обулся, не развязывая шнурков — с вечера оставил их затянутыми, чтобы утром не возиться окоченевшими пальцами.

Карты всё ещё лежали на столе. Марк скользнул по ним взглядом, затем перевёл его на блокнот, на последнюю запись: «Завтра — последний шанс. Проверить резиденцию президента». Он взял карандаш, дважды подчеркнул строку и захлопнул блокнот.

Резиденция. Он проходил мимо неё много раз — видел издалика, когда спускался в город в первые дни, а потом, когда месяц искал запчасти. Массивное здание на окраине, окружённое забором, с воротами, которые теперь наверняка распахнуты настежь. Место, где когда-то отдыхали важные люди, где решались важные вопросы. Если где-то и мог сохраниться след — карты, документы, хоть что-то, что укажет путь к бункеру, — то только там.

Марк подошёл к окну и посмотрел вниз. Город спал. Или притворялся. Он достал бинокль, навёл на знакомые точки: стадион, библиотеку, госпиталь. Вертолёт на крыше был неподвижен, брезент трепетал на ветру. Стадион безмолвствовал. Тишина настораживала.

Тишина в городе всегда что-то означала. Либо реверсаны ушли, либо затаились в брошенных зданиях, поджидая. Марк не знал, что хуже, но молился не нарваться на их логово. Он вернулся к столу и начал собираться.

Маршрут выстроился в голове сам собой. Снегоход — до туристических домиков внизу склона, там можно было оставить его под навесом. Дальше пешком. Звук мотора слышен дальше выстрела, и Марк не хотел привлекать внимание раньше времени. От домиков до резиденции — три километра. Не близко, но и не так далеко, чтобы не дойти за полтора часа.

Оружие. Винтовка лежала на столе, рядом — два запасных магазина. Марк проверил их, как делал каждое утро, хотя знал, что всё в порядке. Патроны на месте, пружины не ослабли, металл не тронут ржавчиной. Он вставил магазин в винтовку, остальные сунул в карманы куртки.

Одежда — как всегда, слоями. Термобельё, затем шерстяной свитер, куртка поверх. Шарф — плотный, закрывающий шею и нижнюю часть лица. Шапка до бровей. Перчатки — две пары, как обычно. В этот раз он решил взять солнцезащитные очки на шнурке — против снежной слепоты. Если солнце пробьётся сквозь облака, белизна снега станет нестерпимой, и без защиты можно ослепнуть за час.

Рюкзак. Марк перебирал содержимое в уме, сверяясь с мысленным списком. Туристическая плитка — маленькая, складная, но исправная. Два газовых баллона: один почти полный, второй наполовину. Консервы — три банки мясных, тушёнка и паштет. Растворимый кофе в пакетике. Фляга с водой, полная, тяжёлая. Он взвесил рюкзак в руке, затем накинул на плечо. Тяжело, но терпимо.

Марк подошёл к окну в последний раз. Взял бинокль, медленно провёл им по городу. Улицы пустовали. Стадион безмолвствовал. Библиотека стояла как памятник мёртвому знаению. Бизнес-центр с выбитыми окнами смотрел на него пустыми глазницами.

Ничего не изменилось, но что-то было не так. Марк не мог объяснить, что именно. Просто ощущение — лёгкое, как прикосновение паутины к лицу, — что город затаился. Он опустил бинокль и вышел.

Снегоход стоял под навесом, укрытый брезентом. Марк стянул его, сложил, засунул в багажник. Сел, повернул ключ. Мотор завёлся не сразу — чихнул, закашлялся, потом схватился, и гул разнёсся по парковке, по склону, по деревьям. Слишком громко. Слишком живо.

Марк сидел, слушая, как мотор прогревается, и смотрел на город внизу. Серые крыши, белые улицы, тени меж домов. Всё то же, что вчера, что позавчера, что месяц назад, но чувство недоброго не отпускало. Он глубоко вдохнул свежий обжигающий воздух и тронулся.

Снегоход пересёк парковку перед отелем, оставляя за собой глубокую колею. Марк выехал на дорогу и начал спуск. Серпантин петлял меж деревьев, и снег под полозьями хрустел, словно кости. Ветер усилился, когда Марк спустился ниже, и он прищурился, вглядываясь вперёд — в дорогу, в здание кафе, медленно приближавшееся.

Туристические домики появились через двадцать минут. Они выстроились в ряд у подножия склона, как солдаты на параде — деревянные, одноэтажные, с покосившимися крыльцами и верандами, заваленными снегом. Когда-то здесь останавливались туристы: приезжали покататься на лыжах или просто подышать горным воздухом. Теперь окна были выбиты, двери сорваны с петель, и внутри, сквозь провалы в стенах, виднелись обломки мебели и чьи-то вещи — куртки, рюкзаки, ботинки, брошенные в спешке.

Марк остановился у последнего домика, того, что стоял ближе к лесу и в котором он когда-то провёл ночь. Гараж был приоткрыт, но внутри пусто — подходящее место, чтобы спрятать снегоход. Он завёл машину внутрь, заглушил мотор, слез и осмотрелся. Следы от полозьев тянулись от дороги до гаража — слишком заметные, слишком свежие.

Марк вышел наружу, подобрал ветку и принялся заметать колею. Работал быстро, но аккуратно, стирая следы там, где они прорезали снег особенно глубоко. Когда закончил, дорога выглядела почти нетронутой — только лёгкие неровности, какие мог оставить ветер.

Он вернулся в гараж, прикрыл дверь изнутри, оставив узкую щель, и посмотрел наружу. Ничего подозрительного. Никакого движения. Марк накинул винтовку на плечо, затянул лямки рюкзака и вышел через заднюю дверь — ту, что вела в лес.

Снег лежал глубоким слоем. Марк шёл медленно, ставя ногу осторожно, вслушиваясь в каждый звук. Винтовка в руках, палец у спусковой скобы, дуло вперёд. Каждый шаг требовал внимания — под снегом могли быть корни, камни, провалы в земле. Он не мог позволить себе упасть, подвернуть ногу, сломать что-то. Здесь, в одиночку, даже растяжение становилось приговором.

Марк вышел на дорогу, постоянно оглядываясь, и затаился у ближайшей брошенной машины. Он вертел головой: назад, в стороны, вверх, туда, где меж деревьев виднелось небо. Ничего. Ни движения, ни звука. Лес был мёртв.

Это было странно. Обычно даже зимой можно было уловить хоть что-то — треск веток под копытами оленя, далёкий лай лисы, шорох совиных крыльев. Теперь ничего. Волки исчезли недавно — может, ушли дальше в горы, а может, просто вымерли от голода, как люди. Птиц не было. Даже вороны, всегда находившие падаль, куда-то пропали.

Тишина давила сильнее любого шума. Она была неправильной, чужой, словно мир вокруг затаил дыхание и ждал, когда Марк совершит ошибку. Он достал флягу, отпил немного и двинулся дальше, сжимая винтовку крепче.

Через полчаса он миновал госпиталь и вышел к перекрёстку. Марк с грустью посмотрел влево, вспомнил про старика и повернул направо. В тот же миг его накрыл порыв ветра.

Резкий. Холодный. Он ударил в лицо, как пощёчина, и Марк зажмурился, опустив голову. Снег поднялся с земли, закружился в воздухе, и видимость мгновенно упала. Марк остано-

вился, поднял воротник куртки, натянул шарф выше, закрывая лицо. Ветер усиливался. То, что началось как порыв, превратилось в постоянный поток, воющий меж домов, сбивающий с ног.

Метель.

Марк не ожидал её так быстро. Утром небо было серым, но спокойным, и ничто не предвещало бури. Теперь облака сгустились, опустились так низко, что казалось — можно дотянуться до них рукой. Снег валил густо, плотными хлопьями, залепляя очки, забиваясь в складки одежды.

Температура падала. Марк чувствовал, как холод просачивается сквозь слои ткани, добивается до кожи, до костей. Пальцы в перчатках начали неметь, и он сжал их в кулаки, пытаясь разогнать кровь.

Идти стало труднее. Ветер бил в спину, толкал вперёд, потом разворачивался и бил в лицо, заставляя останавливаться и прикрываться руками. Видимость упала до нескольких метров — Марк различал лишь здания вокруг, размытые силуэты в белой пелене, и дорогу под ногами, медленно исчезающую под свежим снегом.

Он шёл, считая шаги, чтобы не сбиться с пути. Сто шагов вперёд. Остановка. Осмотреться. Убедиться, что дорога всё ещё здесь, а знаки на столбах верные. Потом снова сто шагов. Ветер выл, как живой, и в нём слышалось что-то почти человеческое — крики, стоны, голоса, зовущие из темноты.

Марк не слушал их. Знал, что это просто ветер, просто звуки, которые мозг превращает в слова, когда слишком долго один. Но иногда, когда порыв был особенно силён, ему казалось, что кто-то зовёт его по имени.

Он остановился, прислонился к дереву, переводя дыхание. Лёгкие горели от холодного воздуха, каждый вдох был как глоток ледяной воды. Марк снял перчатку, достал флягу, сделал глоток. Вода оказалась холодной, почти замёрзшей, но она помогла. Он закрыл флягу, сунул обратно в рюкзак, надел перчатку.

Погода менялась слишком быстро без воздействия человека, а мир возвращался к первобытному состоянию — к тому времени, когда его населяли только хищники и стада животных. Марк представил, как внезапно из-за угла появляется давно вымерший мамонт, и усмехнулся.

Усмешка быстро сменилась страхом. Температура продолжала падать, и одежда уже не спасала. Холод заполнил пространство между слоями, добрался до тела и впился сотней игл в кожу. Марк понял, что нужно укрыться и переждать метель.

Здание появилось внезапно, как мираж в белой пустыне. Марк едва не налетел на него — серая стена, разбитая витрина, осколки стекла под снегом. Он остановился, вглядываясь сквозь метель. Магазин. Небольшой, одноэтажный, с вывеской, которую уже невозможно было прочесть.

Марк не колебался. Он направился к разбитой витрине, перешагнул через раму и ввалился внутрь.

Внутри было темно и тихо. Ветер гулял по помещению, но не так яростно, как снаружи — скорее, как призрак, скользящий меж стеллажей и полок. Марк остановился, переводя дыхание, и огляделся.

Магазин тканей.

Стеллажи тянулись вдоль стен, забитые рулонами — ситец, шёлк, бархат, всё покрыто толстым слоем пыли. Некоторые рулоны упали, раскатились по полу, ткань волочилась по грязному линолеуму. Манекены стояли в углах, безголовые, в недошитых платьях, и смотрели в никуда пустыми торсами.

Марк прошёл дальше, подальше от витрины, туда, где ветер не доставал. Нашёл угол за прилавком, где стеллаж закрывал от сквозняка. Снял рюкзак, поставил винтовку рядом, опустился на пол, прислонившись спиной к стене.

Тишина мгновенно обрушилась на него, окутала, как одеяло. Только ветер снаружи, далёкий вой да собственное дыхание — тяжёлое, хриплое. Марк закрыл глаза на несколько секунд, позволяя себе расслабиться. Не до конца. Никогда до конца. Но достаточно, чтобы пальцы разжались, чтобы плечи опустились, чтобы напряжение последнего часа чуть ослабло.

Он открыл рюкзак, достал туристическую плитку, газовый баллон. Прикрутил баллон, поставил плитку на пол, зажёл. Синее пламя вспыхнуло — маленькое, но живое. Марк смотрел на него несколько секунд, замороженный. Огонь был редкостью. Огонь был жизнью.

Он достал котелок, вышел к витрине, набрал снега, вернулся. Поставил котелок на плитку и принялся ждать. Снег таял медленно, превращаясь в воду, вода начала нагреваться, и над котелком пошёл пар. Марк достал из кармана куртки пакетик растворимого кофе, высыпал его в воду, размешал ложкой.

Запах ударил сразу — горький, тёплый, знакомый. Марк вдохнул и почувствовал, как что-то внутри сжалось, а потом отпустило. Кофе. Он не пил его неделю, экономил, растягивал запасы, но сейчас, в этом холодном магазине, посреди метели, кофе был не роскошью, а необходимостью.

Он налил половину в кружку, половину перелил в термос. Закрутил крышку, сунул термос обратно в рюкзак. Взял кружку в руки, чувствуя, как тепло медленно проникает сквозь перчатки. Сделал глоток.

Горячо. Горько. Почти обжигает. Но хорошо.

Марк закрыл глаза и сделал ещё один глоток. Тепло растекалось по телу, добиралось до желудка, расходилось оттуда по венам, по мышцам. Пальцы начали оттаивать, покалывая, словно иголками. Он сжал кружку крепче, грея руки.

Иногда, чтобы выжить, достаточно чашки кофе.

Марк думал об этом часто. О том, как мало на самом деле нужно, чтобы продолжать. Не города, не цивилизация, не комфорт. Просто тепло. Просто еда. Просто момент, когда можно остановиться и не бежать.

Он допил кофе, поставил кружку на пол, схватил один из рулонов ткани с полки — толстый бархат, тёмно-синий, пыльный, но сухой. Закутался в него, как в одеяло. Ткань пахла старостью, плесенью, но была тёплой, и Марк чувствовал, как холод медленно отступает.

Он сидел, прислонившись к стене, укутанный в бархат, и смотрел на плитку. Синее пламя подрагивало, отбрасывая слабый свет на стены, на стеллажи, на манекены в углах. Тени двигались, словно живые, и в этом движении было что-то почти успокаивающее.

Марк позволил себе закрыть глаза. Не спать. Просто отдохнуть. Несколько минут. Может, десять. Ровно столько, сколько нужно, чтобы тело восстановилось, чтобы холод ушёл окончательно, чтобы пальцы снова могли держать винтовку.

Ветер снаружи продолжал выть, но Марк почти не слышал его. Он слушал тишину внутри — тишину магазина, тишину собственного дыхания, тишину мира, который остановился, и вдруг эта тишина изменилась.

Марк открыл глаза. Ветер стих. Вой, сопровождавший его последние полчаса, исчез так же внезапно, как и начался. Марк выпрямился, прислушиваясь. Ничего. Только тихое потрескивание плитки да далёкий скрип металла где-то на улице.

Метель закончилась.

Марк встал, сбросив ткань с плеч, подошёл к витрине. Снег перестал падать. Облака начали расходиться, и сквозь разрывы пробивался слабый свет — не солнце, но что-то близкое к нему. Видимость вернулась.

Он вернулся к углу, погасил плитку, убрал её в рюкзак. Накинул лямки на плечи, взял винтовку, проверил магазин. Всё на месте. Всё работает.

Марк посмотрел на рулон бархата, который согрел его. Он мог бы взять ткань с собой, но рюкзак был уже тяжёлым, и каждый лишний килограмм имел значение. С тяжёлым сердцем Марк оставил ткань там, где она лежала.

Он вышел из магазина, перешагнул через раму витрины и выбрался на дорогу. Воздух был холодным, резким, как лезвие. Марк вдохнул полной грудью — лёгкие обожгло. Город после метели выглядел иначе, чище, что ли. Снег засыпал грязь, мусор, следы крови на асфальте. Всё стало белым, ровным, почти невинным. Почти.

Марк шёл по дороге, ведущей к резиденции, и видел, как город медленно просыпается после метели. Не живёт — просто шевелится, как труп, в котором завелись черви. Где-то вдалеке скрипнула дверь. Где-то упал кусок льда с крыши. Звуки были редкими, но они были, и это значило, что город не совсем мёртв.

Библиотека появилась слева, когда Марк свернул на центральную улицу. Он замедлился, инстинктивно прижавшись к стене ближайшего дома. Достал бинокль, навёл на вход и выдохнул с облегчением — там было пусто.

Двери распахнуты настежь, снег намело внутрь сугробами, но никакого движения. Реверсанта, заполнившие библиотеку вчера, исчезли. Марк опустил бинокль, нахмурившись. Это было странно. Реверсанта не уходили просто так. Они оставались там, где находили добычу, или там, где был звук, движение, что-то, привлекавшее их внимание. А библиотека вчера кишела ими.

Интуиция, та самая, что держала его в живых всё это время, подсказывала одно: главная дорога — ловушка. Идти мимо библиотеки было опасно. Возможно, реверсанта просто затаились в тёмных недрах здания и появятся, услышав его шаги по свежему снегу.

Марк прислушался к интуиции, развернулся и пошёл в обход, свернув в переулок. Переулки были узкими, забитыми снегом. Машины стояли у обочин, погребённые под белым покрывалом. Окна домов зияли чёрными провалами, и Марк старался не смотреть внутрь. Знал, что там может быть. Знал, что иногда незнание лучше.

Он обходил сугробы, особенно те, где виднелся чёрный полиэтилен. Мешки. Большие, тяжёлые, сваленные в кучи на углах улиц, у подъездов, в парках. Марк знал, что внутри. Знал, не заглядывая. Тела. В первые дни, когда люди ещё пытались соблюдать порядок, их складывали в мешки, надеясь, что кто-то заберёт, похоронит, сожжёт. Никто не забрал. Мешки остались, и теперь они были частью пейзажа — как памятники, скамейки, фонари.

Жёлтая лента вирусного заражения колыхалась на ветру, натянутая между столбами. «Карантинная зона. Вход запрещён». Буквы выпцвели, лента порвалась во многих местах, но она всё ещё держалась — бессмысленная, никому не нужная.

Резиденция появилась через полчаса. Марк остановился на краю площади, глядя на неё.

Белый дом. Так его называли в городе — за цвет стен, за колонны, за то, что там отдыхали важные люди. Теперь белый стал чёрным. Стены почернели от огня, окна разбиты, балконы обвалились. Крыша провалилась в нескольких местах, и сквозь дыры виднелось небо. Дом был мёртв, как всё остальное.

Ворота были заблокированы. Машина скорой помощи врезалась в них — белая, с красным крестом на боку, теперь почти невидимым под слоем грязи и снега. Передняя часть смята, капот вздыблен, радиатор разорван. Машина застряла наполовину внутри, наполовину снаружи, и ворота, согнутые от удара, зажали её, как тиски.

Марк медленно подошёл ближе. Винтовка в руках, палец на спусковой скобе. Он обошёл машину, заглянул в салон через разбитое окно — там было пусто.

Ни тел, ни крови, ни следов борьбы. Только пустые сиденья, разбросанное оборудование — капельницы, бинты, пустые ампулы на полу. Марк нахмурился. Парамедики должны были быть здесь. Машина врезалась, значит, кто-то её вёл. Но тел не было.

Может, они ушли. Может, их забрали. Или может, они сами стали реверсантами и бродят где-то по городу в белых халатах, со стетоскопами на шее.

Марк отогнал мысль и полез в салон.

Внутри пахло плесенью и чем-то сладковатым, тошнотворным. Марк зажал дыхание, пробираясь меж сидений. Перелез в заднюю часть, где стояли носилки, потом к задним дверям. Они были заклинены, но Марк упёрся ногой в раму и толкнул. Двери поддались со скрежетом, распахнулись.

Марк выпрыгнул наружу и оказался на территории резиденции.

Двор был большим, вымощенным плиткой, теперь скрытой под снегом. Фонтан в центре замёрз — вода превратилась в ледяную скульптуру. Статуи стояли вдоль дорожек: ангелы, нимфы, какие-то абстрактные фигуры, все покрыты снегом, как саваном.

Марк осмотрелся. Здание резиденции возвышалось перед ним — чёрное, обугленное, мёртвое. Но структура держалась. Стены стояли, лестница, ведущая к главному входу, была цела. Может быть, внутри что-то сохранилось. Может быть, архив. Или карта.

Внутри было темно. Марк вошёл через главный вход — двери были сорваны с петель, валялись в стороне, обугленные, искорёженные. Холл встретил его тишиной, давящей, как толща воды. Стены были чёрными от копоти, потолок провалился в нескольких местах, и сквозь дыры проникал тусклый свет. Люстра, когда-то, наверное, роскошная, лежала на полу разбитая — хрустальные осколки разбросаны по мрамору.

Марк осторожно ступал, обходя обломки. Винтовка в одной руке, фонарик в другой. Луч света скользил по стенам, по полу, выхватывая из темноты детали — перевёрнутый стол, сгоревший диван, портрет в золочёной раме, лицо на котором почернело до неузнаваемости.

Пахло гарью и чем-то сладковатым, тошнотворным. Марк узнал этот запах. Смерть. Она была здесь, пропитала стены, пол, воздух.

Он двинулся дальше.

Первый этаж был лабиринтом коридоров и комнат. Марк заглядывал в каждую — быстро, методично. Кабинеты были пустыми: столы перевёрнуты, шкафы распахнуты, бумаги разбросаны по полу. Он поднимал некоторые, просматривал. Приказы. Отчёты. Письма. Всё это когда-то имело значение. Теперь просто мусор.

Ничего нужного.

Марк поднялся на второй этаж. Лестница скрипела под ногами, и каждый звук отдавался эхом. Наверху было тише. Огонь не добрался сюда так сильно — стены были почти целыми, окна не все разбиты. Коридор тянулся вперёд, двери по обе стороны. Марк проверил первую, вторую, третью. Спальни. Пустые.

Последняя дверь в конце коридора была массивной, дубовой, с бронзовой табличкой. Марк поднёс фонарик. «Кабинет Президента».

Он толкнул дверь. Она поддалась легко, будто ждала.

Кабинет уцелел. Не полностью, но почти. Окно было разбито, снег намело на подоконник, но мебель стояла на местах. Большой письменный стол, кожаное кресло за ним, книжные шкафы вдоль стен. Портрет на стене — мужчина средних лет в костюме, с улыбкой, которая теперь казалась насмешкой.

Марк обошёл стол и опустился в кресло. Кожа была холодной, потрескавшейся, но кресло держало. Он откинулся назад, глядя на комнату с этой точки — с точки человека, который когда-то принимал здесь решения. Важные решения. О деньгах, о законах, о судьбах людей.

Горькая ирония.

Все эти решения не имели значения теперь. Мир, который этот человек пытался контролировать, рухнул, и кресло, в котором сидел Марк, было единственным, что осталось от его власти.

Марк наклонился вперёд и принялся перебирать бумаги на столе. Письма. Доклады. Планы развития города. Он бросал их на пол одну за другой. Прошлая власть была мусором. Ему нужны карты. Документы. Что-то, указывающее на бункер.

Ничего.

Марк выдвинул ящики стола. Пустые. Кто-то уже был здесь, обыскивал, забирал всё ценное. Или то, что казалось ценным в те последние дни.

Он встал, обошёл стол, посмотрел на стену. Портрет висел криво. Марк подошёл ближе, сдвинул раму.

За портретом был сейф.

Стальная дверца, кодовый замок. Но дверца была приоткрыта. Марк потянул её на себя — сейф распахнулся со скрипом.

Внутри лежала одна папка.

Марк достал её. Руки дрожали. Не от холода. От предчувствия. Он открыл папку, направил фонарик на первую страницу.

Планы полёта.

Координаты. Маршруты. Точки дозаправки. Марк пробежал глазами по строчкам, переворачивал страницы, ища конечную точку. Нашёл.

“Каньон Либерти. Финальная посадка”.

Марк замер. Смотрел на слова, не веря. Каньон Либерти. Он знал это место. Читал о нём, видел фотографии. Гранд-Каньон, но меньше, на западе страны. Далеко. Очень далеко.

Он перевернул страницу. Карта. Маршрут, отмеченный красной линией. От города, где он находился сейчас, через десять штатов, через пустыни, горы, реки. Тысячи километров.

Марк опустил обратно в кресло, держа папку в руках. Смотрел на карту, на красную линию, тянущуюся через всю страну. Теперь всё стало ясно. Почему карты, найденные в библиотеке, не совпадали. Почему он не мог найти бункер здесь, в области, в городе. Потому что бункера здесь не было. Он был там. На другом конце страны.

Мария улетела туда. На том вертолёте. По этому маршруту. И если она жива, то она там.

Марк закрыл папку, положил её на стол. Посмотрел в окно — на город внизу, на серые крыши, на белые улицы. Отсюда до каньона было дальше, чем он мог себе представить. Пешком — месяцы. Может, год. Если дороги проходимы. Если реверсантов можно обойти. Если зима не убьёт его раньше.

Но вертолёт.

Марк посмотрел на госпиталь, видимый в разрыве меж зданий. Вертолёт на крыше. Почти целый. Нужна только деталь. Одна чёртова деталь. Если он найдёт её, если починит вертолёт, то сможет полететь. Может, не до каньона. Может, хватит топлива только на половину пути. Но это будет больше, чем пешком. Это будет шансом.

Марк встал, взял папку, сунул её в рюкзак. Обошёл кабинет последний раз, проверяя, не пропустил ли чего. Ничего. Только мусор прошлого.

Он вышел из кабинета, спустился по лестнице, вышел из резиденции. Пересёк двор, пролез обратно через скорую помощь и оказался снаружи.

Глава 3

Обратный путь казался легче. Марк шёл теми же переулками, пересекал те же дворы, огибал те же заснеженные машины, но что-то изменилось. Не снаружи — внутри. Папка с планами полёта лежала в рюкзаке, и её вес был почти неощутимым, но значимым, как талисман. Цель появилась. Не расплывчатая, не абстрактная — конкретная. Каньон Либерти. Мария.

Его шаги были увереннее. Плечи не так сутулились под тяжестью рюкзака. Даже холод, который всё ещё пробирался сквозь слои одежды, казался не таким жестоким. Марк поймал себя на мысли, что почти улыбается — странное, забытое ощущение, которое тут же вызвало у него подозрение. Радость была опасной роскошью. Она притупляла бдительность.

Он прошёл мимо магазина тканей, где останавливался во время метели. Окно было таким же разбитым, рулоны ткани лежали там же. Марк не стал заходить — времени на остановку не было. Нужно было вернуться к домикам, забрать снегоход и подняться в отель до темноты. А потом планировать.

Вертолёт.

Мысль о нём не отпускала Марка с самого момента, как он нашёл планы полёта. Вертолёт перестал быть просто символом надежды, чем-то далёким и недостижимым. Теперь он был инструментом. Средством. Единственным способом преодолеть тысячи километров, которые отделяли его от Марии.

Но вертолёт был неисправен. Марк помнил, как осматривал его месяц назад, когда только прибыл в город. Двигатель цел, корпус не повреждён, топлива хватит на несколько часов полёта. Но лопасть. Одна из лопастей была сломана — треснута посередине, согнута под неестественным углом. Без замены вертолёт был просто грудой металла.

Где искать лопасть?

Марк перебирал варианты, пока шёл. Автосервисы были бесполезны. Склады — тоже. В библиотеке он нашёл карты, но не запчасти. Единственное место, где могли остаться детали для вертолёта — аэропорт. Небольшой, региональный, в соседнем городе. Марк проходил через него месяц назад, когда только начинал свой путь.

Воспоминание нахлынуло резко, как удар.

Аэропорт был мёртвым. Разграбленным. Самолёты стояли на взлётной полосе, сгоревшими на половину, с распахнутыми дверьми и разбитыми стёклами. Ангары были пусты, но в главном терминале Марк увидел костёр. Огромный, яркий, горящий посреди зала ожидания. Вокруг него толпились реверсаны — десятки, может, сотни. Они стояли близко к огню, протягивали руки, грелись.

Марк наблюдал за ними издали, из-за разбитого окна, и понимал: они искали тепла. Инстинкт самосохранения, оставшийся после того, как разум почти полностью угас. Тогда, не найдя подходящего воздушного судна, Марк ушёл и отправился в отель пешком. Но теперь всё изменилось и нужно было вернуться туда. Обшарить каждый метр и найти во что бы то не стало деталь, которая ему была необходима.

Марк шёл и планировал. Аэропорт был в двух днях пути на снегоходе. Может, три, если будет метель. Нужно будет взять больше топлива, больше припасов, больше патронов. И нужно будет подготовиться к тому, что реверсантов там может быть ещё больше. Холод согнал их в укрытия, и аэропорт с его костром стал идеальным местом.

Внезапно, Марк тяжело вздохнул и схватился рукой за шапку. Он совсем забыл, что по мосту нельзя было пройти и нужно будет искать другой путь. В голову пришла только одна мысль — идти по льду. Зима как раз была в разгаре, и толщина должна была позволить ему спокойно пройти.

Марк не замечал, как его мысли уносились всё дальше вперёд. Он планировал маршрут, перебирал возможные опасности, представлял, как будет обыскивать ангары, как обшаривать склады, как тащить лопасть обратно. Настолько погрузился в мысли, что перестал следить за окружением.

Дорога под ногами стала другой. Асфальт сменился брусчаткой. Дома вокруг стали выше, массивнее. Марк моргнул, оглядываясь, и понял: его занесло не туда. Вместо переулков, ведущих к окраине, он вышел на центральную улицу. Ту самую, которой избегал утром и стадион был слишком близко.

Марк остановился, чувствуя, как сердце ухнуло вниз. Стадион возвышался справа, огромный, бетонный, с высокими трибунами и выцветшей надписью над входом. Отсюда до него было не больше двухсот метров.

Тишина стала другой. Плотнее. Город будто задержал дыхание, ожидая. Марк медленно поднял винтовку, прижимая её к плечу, и осмотрелся. Никакого движения. Никаких звуков, но что-то было не так.

Он почувствовал это раньше, чем увидел. Инстинкт, тот самый, что держал его в живых последний месяц, забил тревогу. Марк сделал шаг назад, прижимаясь к стене ближайшего здания, и только тогда увидел их.

Шестеро реверсанты стояли у главного входа в стадион. Не бродили, не шатались — стояли и работали. Марк замер, не в силах поверить в то, что видит и перестал дышать. Он вскинул винтовку, направил оптику в сторону реверсантов и прильнул к окуляру.

У них в руках были инструменты. Лом. Металлическая труба. Монтировка. Один из них бил ломом по замку на цепи, которая держала двери закрытыми. Удар. Ещё один. Металл звенел, и звук разносился по пустой улице. Другой реверсант держал цепь, не давая ей соскользнуть. Третий стоял рядом, ожидая своей очереди с трубой.

Они работали организованно, а не хаотично. Марк чувствовал, как холод пробегает по спине, и это был не мороз. Он знал, что реверсанты сохраняли остатки интеллекта. Видел, как они открывали двери, как использовали лестницы, как обходили препятствия. Но это было другое. Это была координация. Целенаправленность. Они не просто действовали инстинктивно — они решали задачу.

Не успел Марк опомниться, как замок раскололся и осыпался на землю, а затем цепь не выдержала. Он видел это издали, сквозь прицел винтовки, но не мог ничего сделать. Металлические звенья растянулись под напором изнутри, один за другим соскакивали с крюка, и вот последний оборот распутался, цепь с лязгом упала на бетон, и двери стадиона распахнулись настежь.

“Река”, -единственное, что пронеслось у Марка в голове. Не было другого слова, чтобы описать то, что хлынуло наружу. Реверсанты валили из темноты, как вода из прорванной плотины — беспорядочно, яростно, сметая всё на своём пути. Они падали, поднимались, давили друг друга, карабкались по телам впереди идущих. Их было слишком много. Десятки превратились в сотни за считанные секунды, и поток не прекращался.

Марк стоял, прижавшись к стене, и не мог оторвать взгляд. Его разум отказывался принимать масштаб происходящего. Он видел реверсантов раньше — поодиночке, небольшими группами. Но это было нечто иное. Это была армия.

И в этот момент, тишина прекратила своё существование. Вой начался как один голос, потом подхватили другие, и через мгновение весь город наполнился этим звуком. Хриплый, животный, почти человеческий — крик голода, радости освобождения, торжества. Эхо билось о стены зданий, отражалось от асфальта, поднималось к небу. Птицы, если бы они ещё остались, взлетели бы в панике. Но птиц не было. Остались только реверсанты и их вой.

Марк видел, как шестеро, открывших двери, стояли неподвижно посреди площади. Волна обтекала их, как камни в реке, но они не двигались. Просто смотрели, как их работа приносит плоды. А потом их поглотила толпа, и Марк потерял их из виду.

Ему хватило секунды, чтобы понять: нужно бежать. Марк закинул винтовку за спину, не тратя время на то, чтобы пристегнуть её, и побежал. Переулок за переулком, двор за двором. Его ботинки скользили по снегу, и дважды он чуть не упал, но удерживал равновесие и продолжал бежать. Не оглядывался. Знал, что если обернётся, то увидит их за собой, и это лишит его последних сил.

Вой преследовал его. Он был везде — впереди, сзади, справа, слева. Город наполнился этим звуком до краёв, и Марку казалось, что он звучит внутри его черепа, вибрирует в костях.

Он бежал, и мысли метались в голове, пытаясь сложиться в картину. Группа из бизнес-центра. Марк вспомнил людей, которых обрёл на смерть от вируса в отместку за старика. Они выжили после эпидемии, может быть, даже продержались несколько недель в здании. А потом решили действовать. Загнали реверсантов на стадион — заманили, заперли, думая, что это решит проблему.

Идиоты.

Марк даже представления не имел, насколько много реверсантов было в городе. Сотни. Тысячи, может быть. Все они, рано или поздно, оказались на стадионе — либо сами пришли на звук, либо их загнали туда. И цепь, которая держала двери закрытыми, была единственным, что сдерживало катастрофу. Теперь город принадлежал им и не осталось никого, кто бы мог дать им отпор.

Марк свернул на очередной перекрёсток, выбежал на дорогу, параллельную стадиону, и понял, что нужно обогнуть его сзади. Прямой путь к домикам, где оставил снегоход, проходил слишком близко к эпицентру. Он побежал налево, держась ближе к зданиям, и увидел кафе на углу — маленькое, с разбитыми окнами и вывеской “Встреча”.

Марк нырнул за угол, прижался спиной к стене и замер, пытаясь отдышаться. Лёгкие горели, сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Он дышал рвано, открыв рот, жадно глотая холодный воздух.

Несколько секунд Марк просто стоял, не в силах двигаться. Потом медленно, осторожно выглянул из-за угла вздрогнул от увиденного.

Площадь перед стадионом была заполнена. Реверсанты растекались по улицам, как чёрная масса, заполняя каждый угол, каждый переулок. Но они двигались беспорядочно, не целенаправленно. Искали что-то — звук, движение, добычу. Но пока не нашли.

Марк отступил обратно за угол, прислонился к стене и закрыл глаза на мгновение. Руки дрожали. Он достал флягу, отвинтил крышку, сделал глоток. Вода была холодной, почти ледяной, но она помогла. Горло перестало гореть, дыхание стало ровнее.

Марк закрыл флягу, сунул обратно в рюкзак и попытался думать.

Отель. Он был там, на горе, в часе пути на снегоходе. Припасы, карты, тепло — всё, что нужно для выживания. Но возвращаться туда было самоубийство. Город теперь был полон реверсантов. Сотни, тысячи. Они рано или поздно доберутся до отеля. Может, не сегодня, может, не завтра. Но доберутся. И тогда он окажется в ловушке — один, на вершине горы, без путей отступления.

Марк понял это с ледяной ясностью. Он не выстоит в одиночку против такой толпы. Даже с припасами, даже с винтовкой. Патроны кончатся. Еда кончится. И они придут.

Но у него была карта.

Марк медленно снял рюкзак, расстегнул молнию, достал папку с планами полёта. Открыл её, пролистал до карты. Красная линия тянулась через всю страну, от этого города до каньона Либерти. Тысячи километров. Месяцы пути.

Марк посмотрел на карту, потом на город вокруг. Реверсанты заполняли улицы, их вой не стихал. Город умирал. Но Марк был жив. И у него была цель. Даже без вертолѐта.

Идея казалась безумной. Пройти тысячи километров пешком, через заражѐнные города, через пустыни, через зимние бури. Без гарантий, что Мария жива. Без уверенности, что бункер вообще существует. Просто идти, на веру, на надежду, на последний шанс.

Но что ещё оставалось?

Марк сложил карту, сунул обратно в рюкзак. Посмотрел в сторону гор, туда, где на вершине стоял отель. Всё, что он собрал за месяц — припасы, инструменты, карты — осталось там. Но он не мог вернуться. Не сейчас. Может, позже, когда реверсанты рассеются, когда город успокоится. Но не сейчас.

Сейчас нужно было возвращаться обратно на маяк. Марк пришѐл в этот город месяц назад с востока, из прибрежной зоны, где стоял старый маяк на скале. Там была база — небольшая, но надёжная. Запасы воды, консервы, радиоприѐмник. Теперь он вернѐтся туда. Переждѐт. Соберѐтся. И отправится дальше.

На запад. Через десять штатов. К каньону.

Марк накинул рюкзак на плечи, затянул лямки. Проверил винтовку — магазин на месте, затвор работает. Посмотрел последний раз на город. Вой реверсантов всё ещё разносился по улицам, но становился тише. Они расходились, растворялись в переулках, в домах, в темноте.

Он двинулся вперѐд, перейдя на быстрый шаг и старался не думать о предстоящей дороге. Через время, улица закончилась и впереди показался перекрёсток. Марк замедлился, метнулся к зданию на углу и осмотрелся. Путь впереди был чист.

Он сделал глубокий вдох и выбрался из укрытия и направился напрямик в сторону госпиталя, а затем изменил направление, свернув налево, огибая массивное здание госпиталя — серое, бетонное, с разбитыми окнами и покосившейся вывеской. Вертолѐт на крыше был виден отсюда — силуэт на фоне облачного неба, укрытый брезентом, недостижимый.

Марк не смотрел на него долго. Не было смысла.

Магазин появился на углу улицы — небольшой продуктовый, с распахнутой дверью и разбитой витриной. Марк зашѐл внутрь, осмотрелся. Полки были почти пусты, разграблены ещё в первые дни. Но его интересовало не это.

Он снял рюкзак, поставил на пол, расстегнул молнию. Рюкзак был тяжѐлым — слишком тяжѐлым для долгого пути. Марк начал перебирать содержимое, откладывая в сторону то, без чего мог обойтись.

Туристическая плитка. Два газовых баллона. Вместе они весили почти два килограмма. Марк посмотрел на них, потом на рюкзак, потом снова на плитку. Жертва была необходимой. Горячая еда — роскошь, которую он больше не мог себе позволить. Консервы можно есть холодными. Снег можно растопить во рту.

Марк оставил плитку и баллоны на полу, у входа в магазин и ощутил, как рюкзак стал в разы легче. Он накинул его на плечи, затянул лямки и вышел обратно на улицу, а затем направился прямо по дороге, не прячась, не петляя. Времени на осторожность не было. Нужно было уйти как можно дальше, пока реверсанты не добрались до окраины.

Автосалон появился справа — длинное одноэтажное здание с огромными окнами, все разбиты. Марк помнил это место. Ночевал здесь в первый приход в город, месяц назад. Спал в одной из машин в салоне — джипе с мягкими сиденьями и тонированными стѐклами. Тогда город казался пустым. Безопасным, почти.

Марк прошѐл мимо, не останавливаясь.

Заправка была следующей. Марк бросил мимолѐтный взгляд в её сторону. Кто-то попытался поджечь её — следы огня были видны на стенах — но не хватило топлива, и пожар затух сам. Он не помнил, чтобы что-то такое видел в прошлый раз, но не придавал значения и обошѐл заправку стороной, а затем вышел на шоссе.

Широкая дорога, когда-то забитая машинами, теперь пустая и белая от снега. Марк добрался до перекрёстка, свернул налево, на восток, и ускорил шаг. Шоссе вело прямо, без поворотов, и это было хорошо. Чем дальше от города, тем лучше.

Блокпост появился через полчаса.

Марк увидел его издалека — военные палатки, бетонные заграждения, железные ворота. За блокпостом был мост. Длинный, бетонный, перекинутый через реку. Мост вёл в его родной город, тот, откуда Марк пришёл месяц назад.

И мост был взорван.

Воспоминание нахлынуло резко, как удар. Марк стоял здесь месяц назад, на этом же самом месте, и смотрел на провал посередине моста. Военные взорвали его, пытаясь остановить распространение заражения. Огромная дыра в бетоне, железная арматура торчит, как сломанные кости. Невозможно пройти без верёвки, без страховки.

Паника сжала горло. Марк остановился, глядя на мост издалека, и понял: он в ловушке. Город позади заполнен реверсантами. Мост впереди непроходим. Спуститься вниз к воде слишком тяжело и опасно, чтобы перейти по льду, особенно зимой, когда снег глубокий. Ко всему прочему, его силы были на исходе и ноги почти не держали.

Выхода не было.

Марк закрыл глаза, заставляя себя дышать медленно. Паника была врагом. Паника убивала быстрее любого реверсанта. Нужно было думать. Нужно было найти решение.

Он открыл глаза и посмотрел на блокпост.

Железные ворота. Высокие, массивные, но приоткрытые. Щель шириной, может, полметра. Марк подошёл ближе, осматривая. Ворота были заперты изнутри, цепь держала их, но кто-то оставил щель — может, военные уходили в спешке, может, кто-то из выживших проходил здесь позже.

Марк протиснулся в щель. Металл царапал рюкзак, куртку, но он пролез. Оказался на территории блокпоста.

Только здесь он позволил себе выдохнуть.

Блокпост был пуст. Палатки стояли на месте, бетонные заграждения образовывали лабиринт, но реверсантов не было. Марк огляделся. Справа — складские контейнеры, слева — палатки для личного состава. Прямо — мост, с проваленной серединой, непроходимый.

Он двинулся к палаткам, чтобы убедиться в безопасности. Осторожность никогда не была лишней. Первая была пуста — только койки, перевёрнутые ящики, разбросанная одежда. Вторая ...

Марк остановился у входа. Внутри была койка — целая, с одеялом, даже с подушкой. Рядом стол, на столе — пустая фляга, потушенный окуроч. Он улыбнулся, вспомнив, как коротал здесь время, когда двигался к отелю из родного города месяц назад.

Марк вошёл, снял рюкзак, поставил винтовку у стены. Сел на край койки. Тело мгновенно отозвалось болью — ноги гудели, спина ныла, плечи горели от лямок рюкзака. Он не замечал этого, пока шёл. Адреналин держал. Но теперь, когда остановился, всё навалилось разом.

Марк лёг на койку, не снимая куртки, не разуваясь. Закрыл глаза. Слушал, как кровь стучит в ушах — ровно, мерно, как метроном. Дыхание постепенно успокаивалось. Мышцы расслаблялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.